

УДК 329.12:94(470)"17/18"

doi: 10.17072/2219-3111-2017-3-64-71

ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

К.И. Шнейдер

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
kshneyder@yahoo.com

Исследуются этапы формирования отечественной либеральной традиции с конца XVIII столетия по 1850-е – 1860-е гг. включительно. Отстаивается «политическая» версия появления раннего русского либерализма не только как интеллектуального феномена, но и как целостной программы адаптации классических либеральных ценностей в неблагоприятных условиях самодержавной России. Первоначальный вариант отечественного либерализма опирался не только на известные идеалы, такие как свобода, индивидуализм, собственность, но и на консервативный аксиологический «репертуар» – монархизм, элитизм, этатизм, что объяснялось потребностью «приживления» европейского либерализма в сложном пространстве российской действительности. Концепция раннего русского либерализма вызвала резкую критику как оппонентов «слева», так и оппонентов «справа». В предлагаемом тексте ранний русский либерализм рассматривается в качестве конкретного исторического нарратива, в пространстве которого конструируются самодостаточные академические интерпретационные модели. Создавая ту или иную текстологическую конструкцию, историк неизбежно навязывает ее фактологическому массиву, собранному и использованному им самим для превращения чуждого его непосредственному восприятию туманного прошлого в знакомый образ(ы). В конечном счете, исследователь не актуализирует, а знакомит общество со своей исторической версией произошедшего.

Ключевые слова: история идей, интеллектуальная история, ранний русский либерализм, история либерализма в России, свобода, собственность, индивидуализм, личность, монархизм, аристократизм, элитизм, этатизм.

Либерализм в России формировался на протяжении длительного периода. Московское государство к концу XVII столетия исчерпало ресурс «внутренней колонизации» и оказалось в ситуации «цивилизационного вызова», поставившего под сомнение сам факт существования традиционной государственности. Ответом на него стал «имперский проект» Петра I, что явилось отправной точкой в истории системной европеизации России.

Создание петровского «регулярного государства» имперского типа можно считать «первой волной» европеизации, имевшей в основном внешнеполитические характеристики. Именно в этой сфере были сосредоточены главные усилия верховной власти как на военно-дипломатическом уровне, так и в ходе прямой рецепции западного опыта социального управления. Иначе говоря, Петр Великий сделал «молодую» империю полноправным участником решения европейских дел, превратив ее в деятельного актора международной политики.

Отсутствие самодостаточных внутренних импульсов к развитию Московии лишь подтверждало безальтернативность петровского курса. Реформы первой четверти XVIII в. обеспечили успех внешнеполитической программе имперского строительства, полностью подчиняясь логике и потребностям ее осуществления. Практически все состоявшиеся в этот период преобразования были напрямую или опосредованно детерминированы главной заявленной целью.

Вместе с тем «первая волна» европеизации России имплицитно формировала самостоятельный заказ на ее внутреннее обустройство по европейским «лекалам», когда во главу угла ставилась проблема адаптации «чужого» опыта существования. Если во внешней политике преемники Петра I сохранили верность прежнему курсу и стремились расширить географию покоренных территорий, то внутри империи уже к середине XVIII в. начался принципиально новый процесс перенесения западной модели развития.

В полную силу «вторая волна» европеизации России стартовала в эпоху царствования Екатерины II и в концентрированном виде была представлена политикой «просвещенного абсолютизма» (возможно, более удачным в данном случае является термин «просвещенное

самодержавие»). Несмотря на впечатляющие внешнеполитические успехи екатерининского периода («империя на марше»), наиболее содержательные изменения коснулись внутривластной сферы.

При интеллектуальном влиянии европейского Просвещения в России происходила трансформация дискурса божественной природы монаршей власти в концептуальное обоснование законных прав и преференций главы государства. Центральным стал концепт верховенства закона, предполагавший в том числе существенное ограничение царских привилегий. Например, «Жалованная грамота дворянству» (1785) не просто даровала широкие права ведущему сословию в России, но и гарантировала их властью закона, который отныне не мог нарушать никто, даже император. Конструировалась управленческая модель, где верховная власть оставляла за собой возможность отклонить тот или иной законопроект, но после его одобрения закон становился высшим авторитетом, обязательным к исполнению для всех сверху донизу.

Вообще политика «просвещенного самодержавия» Екатерины Великой вводила принципиально новый стандарт государственного управления. В соответствии с концепцией «истинной монархии» Ш. Монтескье происходила секуляризация монаршего статуса в обществе и формирование иной иерархии господства, опирающейся на силу закона. Тем самым монархический режим по собственной инициативе заявил о своем стремлении трансформировать прежнюю традицию неограниченной власти самодержца в современную функциональную модель авторитета закона. Логическим продолжением движения в данном направлении могла стать реализация идеи разделения властей в процессе превращения России в конституционную монархию. Следует отметить очевидную преемственность в проведение политики «просвещенного самодержавия» начиная с Александра I и до Александра II включительно, венцом которой явились Великие реформы 1860-х – 1870-х гг.

В конечном счете «первая внешнеполитическая волна» европеизации России создала предпосылки внутреннего обустройства империи по западным рецептам в ходе второго этапа ее европейской модернизации. Прямая рецепция просветительских идеалов, служивших важным теоретическим основанием екатерининского внутривластного курса инициировала возникновение символического пространства идейной конкуренции. Другими словами, в России достаточно быстро появилась та пока еще незначительная интеллектуальная среда, которая наполнялась противоречивым идеологическим контентом. Вербализация нового знания в российских условиях происходила как в рамках журнальной полемики, так и в процессе написания разнообразных историко-философских и литературных трактатов.

Когда появился ранний русский либерализм? В отечественной и зарубежной историографии существуют несколько вариантов ответов на этот вопрос. Их можно систематизировать в границах двух основных подходов – философского и политического [Poole, 2015, с. 157–181]. В границах первого рассматривается история восприятия в России европейского интеллектуального наследия эпохи Просвещения, а в рамках второго – время формирования первоначальной либеральной политической программы. В зависимости от подхода в метриках раннего русского либерализма указывают разные даты – со второй половины XVIII в. вплоть до начала XX столетия.

Можно ли говорить о возникновении раннего русского либерализма во второй половине XVIII – первой половине XIX в. [Глушкова, 2001; Леонтович, 1995; Олейников, 1993, 1996; Секиринский, 1999; Тимофеев, 2006; Шелохаев, 2007, с. 3–17; Verest, 2011]? Скорее всего нет, так как проникновение в Россию либеральной аксиологии в результате просвещенческой модернизации базовых принципов традиционной системы государственного управления не вело автоматически к ее концептуальному усвоению в местных исторических условиях. В этот период в отечественной общественной мысли формировалась социальная география распространения и обсуждения западных либеральных идей. Важно отметить, что уже тогда в истории русского либерализма ясно обозначилась центральная проблема – интеграция самодержавного начала и теоретических канонов либерализма.

В эпоху царствования Александра I политика «просвещенного самодержавия» превратилась в безальтернативную программу внутренней европеизации России. Появились проекты преобразований в экономике, государственной службе, крестьянском вопросе и т.д. Постепенно «чужие» либеральные идеи из модного увлечения трансформировались в практическое средство реформаторского курса. Однако даже в самых просвещенных дворянских кругах Александровского

времени либеральные новации оставались чужеродным и малоадаптивным к российской действительности инструментом воздействия на статус-кво отечественной исторической традиции. Другими словами, попытки либерализовать существующий режим приводили либо к появлению фантастических прожектов прямого заимствования западного опыта модернизации (программы декабристов), либо к стремлению механически совместить либеральные ценности и государственный патернализм (сторонники реформ в придворном окружении). Даже хорошо известные проекты Н.С. Мордвинова и М.М. Сперанского не отличались концептуальной целостностью и не содержали в себе телеологии укоренения классических либеральных идеалов на российской почве.

В конечном счете в этот период никому не удалось предложить разработанную программу транзита из царства архаики в пространство либеральной аксиологии. На смену екатерининской интеллектуальной и сословной либерализации пришла государственная практика проведения «случайных» квазилиберальных мероприятий. Продолжалось теоретическое и практическое освоение модели «просвещенного самодержавия» в России в условиях быстро меняющейся внутривластной ситуации. Поэтому говорить о русском либерализме в эпоху царствования Александра I преждевременно. К тому же, вряд ли либеральная традиция в России появилась раньше своих европейских аналогов, например, французского, формирование которого завершилось уже во второй четверти XIX в.

Поражение декабристов и ужесточение политического режима в николаевской России ускорили поиск коллективной идентичности. История отечественной либеральной мысли обогатилась идеями П.Я. Чаадаева и умеренных (правых) западников, которые отдали «просвещенное самодержавие» на откуп правительственной бюрократии. Результатом этой работы можно считать формирование либерального направления в русской общественной мысли, что предполагало наличие адекватной среды и видных мыслителей в лице либеральных западников. Тем не менее западничество 1840-х гг. можно лишь с большими оговорками признать исторической формой либерализма и только при условии, если его понимать достаточно широко – «не как конкретную политическую программу, а как социально-аксиологическую направленность» [Шукин, 2001, с. 122].

Не следует забывать, что феномен западничества был содержательно неоднородным: к нему в равной степени принадлежали А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, заложившие в 1840-е гг. основы и радикальной, и либеральной традиции. Что касается умеренных западников, то их идеи составили основу утопического конструкта либерального типа, так как восприятие достижений европейского либерализма не сопровождалось адаптацией к местным условиям.

Либералы-западники познавали европейский опыт, погружаясь в его прошлое и многочисленные нюансы современного этапа развития. Восхищение «новых» адептов либеральных ценностей прослеживается в путевых заметках, составленных ими во время путешествий за границу, особенно на фоне критического отношения к отечественной исторической традиции. Некоторые из них пережили даже увлечение социалистическими идеями.

Попытки либерально мыслящих западников все же «примерить» на Россию модный европейский костюм непременно заканчивались этатистскими декларациями. Следует учитывать, что умеренное западничество в 1840-е гг. наряду с базовыми либеральными ценностями не отвергало применительно к России идеи сильного государства, монархии, традиционной веры. Западники, противостоявшие в первую очередь славянофилам, использовали консервативные вербальные символы, подвергая их концептуальной рационализации для соединения с либеральными идеями. Это был ответ на своеобразный интеллектуальный вызов времени – осмыслить развитие либеральной мысли в условиях отечественной самодержавной политической системы.

Вместе с тем закат Николаевской эпохи стал временем обновления и концептуализации русской либеральной мысли. Вторая половина 1850-х – 1860-е гг. могут считаться наиболее плодотворным этапом в развитии раннего русского либерализма [Арсланов, 2000; Габидулина, 2000; Зорькин, 1975; Китаев, 1972, 2004; Левин, 1974; Приленский, 1995; Розенталь, 1958, с. 23–34; Сладкевич, 1962; Шнейдер, 2012; Hamburg, 1992, 1998; Hammer, 1962; Offord, 1985, 1999; Walicki, 1987]. Подготовленные в 1855–1856 гг. К.Д. Кавелиным и Б.Н. Чичериным известные статьи из

серии «рукописной литературы» публиковались за границей в бесцензурных сборниках А.И. Герцена «Голоса из России» и по праву считаются «первым открытым выступлением русских либералов». Уже в них видны базовые особенности формировавшегося раннего либерализма – апелляция к власти и неприятие демократии в лице становящегося русского радикализма. При этом нет никаких серьезных оснований сомневаться в либеральных взглядах создателей «рукописной литературы», так как в ней отчетливо прозвучали идеи свободы, прогресса, освобождения крестьян, либеральных реформ и т.д.

Кавелин и Чичерин безусловно принадлежали к западническому кругу мыслителей, но все же по-разному видели тактические перспективы рецепции европейских либеральных ценностей в России. Кавелин скептически относился к практике прямого институционального заимствования западных регуляторов общественного развития даже под контролем отечественной автократической власти и потому артикулировал идею долговременного сосуществования «новых» европейских и «старых» традиционных форм в механизме социального «инжиниринга». Чичерин, напротив, оптимистически воспринимал перспективы системного утверждения передового западного опыта в России, возлагая главные надежды на силу и мощь просвещенного самодержавного режима, способного гарантировать не только защиту модернизационных процессов в России от любых проявлений радикализма, но и готового к проведению политики самоограничения и самореформирования.

Таким образом, ранний русский либерализм уже в период своего становления отличался известной вариативностью, т.е. наличием различных течений. Особое внимание следует обратить на «народническое» направление Кавелина и «охранительный либерализм» Чичерина. Именно на основе последней версии, окончательно сложившейся в 1860-е гг., ранний русский либерализм, скорее всего, приобрел все необходимые характеристики полноценной программы.

Концепция «охранительного либерализма» генетически связана с «просвещенным самодержавием» екатерининского царствования, в котором ведущим идейным конструктом являлся монархический режим. В модели «охранительного либерализма» Чичерина сохраняется идея апелляции к власти как единственной легитимной и стабилизирующей политической силе в России и актуализируется другая, просвещенческая составляющая в этом сочетании. Чичерин не сомневался в необходимости преобразований в государстве и приветствовал отмену крепостного права. Более того, он остался наиболее последовательным защитником достижений эпохи Великих реформ 1860-х – 1870-х гг. в либеральной мысли пореформенного периода, настаивая на том, что столь масштабные преобразования в стране с исторически ярко выраженным государственным началом под силу только самой власти, которая обязана быть просвещенной уже независимо от собственных желаний.

В конечном счете Чичерин сумел выйти за идейные границы концепта «просвещенного самодержавия», активно наполнив его классическими либеральными ценностями при сохранении роли государства в качестве гаранта успешных и постепенных действий, что в концентрированном виде присутствует в известной формуле Чичерина «либеральные меры и сильная власть».

Национальное прошлое виделось либералам как длительный путь к исторической самореализации социума, вершиной которой являлось государство. Далеко не все народы смогли осилить или успешно пройти его и достичь желанной цели. Победителями, по мнению отечественных либералов, оказались ведущие европейские державы, Англия и Франция, определившие в тот период содержание понятия «цивилизация».

Не менее интеллектуально противоречивым был «второй эшелон» ранних русских либералов, который представляли П.В. Анненков, И.К. Бабст, В.П. Боткин, А.В. Дружинин и Е.Ф. Корш. Они успешно разрабатывали экономические, этические, эстетические проблемы русского либерализма, артикулируя одновременно классические идеалы тотальной экономической свободы и избирательную государственную опеку, высокий художественный вкус, эстетический снобизм и толерантное отношение к чужому мнению, обращаясь попеременно и к рациональным ценностям Просвещения, и к аксиологии романтизма. Появление раннего русского либерализма стало результатом концептуализации классического либерального наследия европейского образца в условиях господства традиционалистских ценностей и автократической политической практики, что определило характер и содержание особенностей раннелиберальной конструкции.

В этой связи очевидна методологическая несостоятельность попыток механически сопоставлять исторические пути развития западноевропейского и отечественного либерализма. Ранний русский либерализм в силу своих многочисленных особенностей не может быть объяснен исключительно в рамках классического либерального дискурса. Этатизм, элитизм и абсолютное неприятие демократии и конституционализма в первоначальной отечественной либеральной концепции выводят ее за скобки «общего либерального знаменателя». Не следует забывать и об отсутствии соглашений между представителями академической науки по многим содержательным вопросам, в том числе по вопросу о границах самого понятия «классический либерализм».

Идейную первооснову либерализма составляют индивидуализм и свобода, предполагающие приоритет личности по отношению к обществу и государству. Независимость индивида означает наличие его неотъемлемых прав и свобод, которые не могут быть никем отчуждены и должны гарантироваться и охраняться властью и социумом. По либеральным канонам наибольшее значение первоначально имело право владения и свободного распоряжения собственностью.

Одной из наиболее сложных и противоречивых в либеральном мировосприятии следует признать идею естественных и равных прав человека, так как ее реализация всегда требует разрешения конфликта между декларативной и практической частью без угрозы саморазрушения всего общественного организма. Каким образом в социуме можно реализовывать законное желание каждого индивида иметь собственность в условиях ее неизбежного отчуждения от большинства населения? Или как примирить естественные и демократические по содержанию политические интенции доминирующей малообеспеченной части общества, ориентированной на передел власти и богатства, с защитой интересов имущего и образованного меньшинства? Наконец, есть ли шанс ужиться традиционной вере либерала в прикладные возможности науки с ее детерминизмом и ведущим либеральным концептом свободы личности?

Потенциально негативных последствий преодоления этих антиномий на любом этапе исторического развития было гораздо больше, чем оптимистических прогнозов. Поэтому вся история либерализма является примером непрерывного поиска адекватных средств для успешного разрешения внутренних конфликтов в теоретических и практических положениях [Либерализм Запада..., 1995]. Не удивительно, что выполнение таких сложных задач, всегда стоявших перед либеральной мыслью, невозможно представить в рамках одной идеально выстроенной модели. Канонический образ инвариантной основы либерализма в действительности распадается на разнообразные версии, наполненные национальной спецификой.

Традиционно специалисты ориентированы на присутствие в историографии «большой истории» либерализма, в контекст которой они пытаются вписать результаты собственных исследований. Однако подобное утверждение как минимум спорно, так как историография того или иного либерального варианта неизбежно будет характеризоваться изрядной долей содержательного многообразия, часто несводимого к какой-либо основе. Скорее всего мы должны говорить о разных видах либерализма, в каждом из которых наряду с инвариантным набором классических ценностей неизбежно существует и «географическая составляющая».

Это вовсе не означает, что нет общего для всего «либераловедения» основания, на котором строятся академические версии истории либерализма и под которым подразумеваются классические либеральные ценности. Но их архитектоника и национальная специфика всегда будут детерминированы различными факторами, начиная с географического и заканчивая политическим, особенно на этапе становления либеральной традиции. Возможно, следует говорить о «либерализмах» и признать идею либерального метанарратива красивой, но мифологической гипотезой?

Не исключено, что в современном историописании (в отличие от историографии с ее акцентом на конкретное историческое высказывание) ранний русский либерализм является историческим нарративом, в пространстве которого существуют и создаются самодостаточные интерпретационные конструкции, применяемые к прошлому, но обладающие автономией по отношению к нему. «В логическом плане нарративные интерпретации имеют характер предложений (по поводу того, как смотреть на прошлое с определенной точки зрения)» [Анкерсмит, 2009, с. 74]. Создавая ту или иную текстологическую конструкцию, историк неизбежно навязывает ее фактологическому массиву, собранному и использованному им самим для превращения чуждого его непосредственному восприятию туманного прошлого в знакомый образ(ы). В конечном счете,

исследователь не актуализирует, а знакомит общество со своей исторической версией произошедшего.

Что касается раннего русского либерализма, то, очевидно, следует сделать акцент скорее на разнообразии и неповторимости теоретического наследия, посвященного историческим формам либерализма. При обнаружении в той или иной программе признаков классической либеральной аксиологии исследователю важно определить, каким образом в ней «снимаются» базовые противоречия либерального мировосприятия в условиях национального развития. Иными словами, интересно выяснить, как отцы-основатели русского либерализма, опираясь на опыт своей социализации, смогли занять те позиции в поле производства идей, которые позволили им наиболее полно вербализовать раннелиберальную концепцию. А это бесперспективно делать без внимания к особенностям местного исторического пространства, неизбежно детерминировавшего финальный образ российского либерализма середины XIX столетия.

Библиографический список

- Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Арсланов Р. А. К. Д.* Кавелин: человек и мыслитель. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000. 376 с.
- Габидулина Н. Г.* Социальная философия русского либерализма первой половины XIX в. Архангельск: Международный институт управления, 2000. 158 с.
- Глушкова С. И.* Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного университета, 2001. 466 с.
- Зорькин В. Д.* Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б.Н. Чичерин). М.: Изд-во МГУ, 1975. 171 с.
- Китаев В. А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX в. М.: Мысль, 1972. 288 с.
- Китаев В. А.* Либеральная мысль в России (1860–1880). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 380 с.
- Левин Ш. М.* Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX – начало XXв. Л.: Наука-СПб., 1974. 444 с.
- Леонтович В. В.* История либерализма в России, 1762–1914. М.: Русский путь, 1995. 542 с.
- Либерализм Запада XVII–XXвв.* М.: Институт всеобщей истории, 1995. 228 с.
- Олейников Д. И.* Западничество в России на рубеже 30-х – 40-х годов XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 25 с.
- Олейников Д. И.* Классическое российское западничество: Учеб. пособие. М.: Механик, 1996. 164 с.
- Приленский В.И.* Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: ИФ РАН, 1995. Ч. 1. 316 с.
- Розенталь В. Н.* Первое открытое выступление русских либералов // История СССР. 1958. № 2. С. 23–34.
- Секиринский С. С.* Русский либерализм: от 40-х к 80-м гг. XIXв. (идеи, люди, среда): Дис. ... докт. ист. наук. М., 1999. 405 с.
- Сладкевич Н. Г.* Очерки истории общественной мысли России конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 285 с.
- Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX в. Челябинск: ПИРС, 2006. 200 с.
- Шелохаев В. В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–17.
- Шнейдер К. И.* Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. 230 с.
- Щукин В. Г.* Русское западничество: генезис – сущность – историческая роль. Lodz: Ibidem, 2001. 367с.
- Berest J.* The Emergence of Russian Liberalism: Alexander Kunitsyn in Context, 1783–1840. New York, 2011. 264 p.
- Hamburg G.M.* Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828–1866. Stanford, 1992. 443 p.

Hammer D.P. Two Russian Liberals: The Political Thought of B.N. Chicherin and K.D. Kavelin: Ph.D. Columbia University, 1962. 403 p.

Liberty, Equality and the Market. Essays by B.N. Chicherin / ed. and Translat by G.M. Hamburg. New Haven; London, 1998. 457 p.

Poole R. Nineteenth-Century Russian Liberalism: Ideals and Realities // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Winter. 2015. Vol. 16 (1). P. 157–181.

Offord D. Portraits of Early Russian Liberals: A Study of the Thought of T.N. Granovsky, V.P. Botkin, P.V. Annenkov, A.V. Drushinin and K.D. Kavelin. Cambridge, 1985. 281 p.

Offord D. Nineteenth-Century Russia. Opposition to Autocracy. New York, 1999. 144 p.

Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, 1987. 477 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.05.2017

LIBERALISM IN RUSSIA: HISTORY OF THE GENESIS OF NATIONAL LIBERAL TRADITION

K. I. Shneider

Perm State University, Bukirev str., 15, Perm, 614990, Russia
kshneyder@yahoo.com

The article examines the stages of formation of Russian liberal tradition from the late 18th century to the 1850s and 1860s. The author defends the «political» version of the genesis of Russian liberalism not only as an intellectual phenomenon, but also as a complex program of adaptation of classical liberal values to the adverse conditions of autocratic Russia. Kavelin and Chicherin were the recognized leaders and founders of national liberal tradition. However, there was also a second line of early Russian liberals such as Annenkov, Babst, Botkin, Druzhinin, Korsch, who formulated political, economic and socio-cultural postulates of the initial liberal doctrine in Russia. The phenomenon of early Russian liberalism includes not only an apology of classical liberal values, such as freedom, individualism, and property, but also elements of conservative axiology – monarchism, elitism, etatism, connected with the adaptation of well-known European ideas to Russia's political conditions of the mid-19th century. The author considers early Russian liberalism as a specific historical narrative, in which self-sufficient academic interpretive models are constructed.

Key words: history of ideas, intellectual history, early Russian liberalism, history of liberalism in Russia, liberty, property, individualism, personality, monarchism, aristocratism, elitism, etatism.

References

Ankersmit, F.R. (2009), *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metaforu* [History and tropology: the rise and fall of the metaphor], «Kanon +» ROII «Reabilitatsiya», Moscow, Russia, 400 p.

Arslanov, R.A. (2000), *K.D. Kavelin: chelovek i muslitel'* [K.D. Kavelin: man and thinker], Rossiiskiy universitet druzhbu narodov, Moscow, Russia, 376 p.

Berest, J. (2011), *The Emergence of Russian Liberalism: Alexander Kunitsyn in Context, 1783–1840*, Palgrave Macmillan, New York, USA, 264 p.

Gabidulina, N.G. (2000), *Sotsial'naya filosofiya russkogo liberalisma pervoi polovinu XIX veka* [Social philosophy of Russian liberalism in the first half of the 19th century], Mezhdunarodnyy institut upravleniya, Arkhangel'sk, Russia, 158 p.

Glushkova, S.I. (2001), *Problema pravovogo ideala v russkom liberalisme* [The problem of the legal ideal in Russian liberalism], Izdatel'stvo gumanitarnogo universiteta, Yekaterinburg, Russia, 466 p.

Hamburg, G.M. (1992), *Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828–1866*, Stanford University Press, Stanford, USA, 443 p.

Hamburg, G.M. (ed.) (1998), *Liberty, Equality and the Market. Essays by B.N. Chicherin*, Yale University Press, New Haven, USA, 457 p.

Hammer, D.P. (1962), *Two Russian Liberals: The Political Thought of B.N. Chicherin and K.D. Kavelin*, PhD dissertation, Columbia University, New York, USA, 403 p.

Kitaev, V.A. (1972), *Ot frondy k okhranitel'stvy. Iz istorii russkoi liberal'noi musli 50-60-h gg. XIX veka* [From the opposition to the protection. From the history of Russian liberal thought of the 1850s and 1860s], Mysl', Moscow, Russia, 288 p.

Kitaev, V.A. (2004), *Liberal'naya mysl' vRossii (1860–1880)* [The liberal thought in Russia (1860–1880)], Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, Russia, 380 p.

Leontovich, V.V. (1995), *Istoriya liberalisma v Rossii, 1762–1914* [The history of liberalism in Russia, 1762–1914], Russkiy pyt', Moscow, Russia, 542 p.

- Levin, Sh. M. (1974), *Ocherki po istorii russkoi obshchestvennoi musli: Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [Essays on the history of Russian social thought: the second half of the XIX – early XX century], Nauka-SPb, Leningrad, Russia, 444 p.
- Liberalism Zapada XVII–XX vekov* [Liberalism of the West of the 17th – 20th century] (1995), Institut vseobshey istorii, Moscow, Russia, 228 p.
- Offord, D. (1985), *Portraits of Early Russian Liberals: A Study of the Thought of T.N. Granovsky, V.P. Botkin, P.V. Annenkov, A.V. Drushinin and K.D. Kavelin*, Cambridge University Press, Cambridge; New York, UK-USA, 281 p.
- Offord, D. (1999), *Nineteenth-Century Russia. Opposition to Autocracy*, Longman; Harlow, U.K.; Pearson Education, New York, USA, 144 p.
- Oleynikov, D.I. (1993), *Zapadnichestvo v Rossii na rubezhe 30-kh – 40-kh godov XIX veka* [Westernism in Russia at the turn of the 1830s and 1840s], Extended abstract of PhD dissertation, Institute of Russian history, Moscow, Russia, 25 p.
- Oleynikov, D.I. (1996), *Klassicheskoe rossiyskoe zapadnichestvo* [Classical Russian Westernism], Mekhanik, Moscow, Russia, 164 p.
- Poole, R. (2015), “Nineteenth-Century Russian Liberalism: Ideals and Realities”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 16 (1), pp. 157–181.
- Prilenskiy, V.I. (1995), *Opyt issledovaniya mirovoznreniya rannikh russkikh liberalov* [The experience in the study of the world outlook of the early Russian liberals], Institut filosofii Rossiyskoy akademii nauk, Moscow, Russia, 316 p.
- Rozental', V.N. (1958), “The first open speech of Russian liberals”, *Istoriya SSSR*, № 2, pp. 23–34.
- Sekirinskiy, S.S. (1999), *Russkiy liberalism: ot 40-kh k 80-m godam XIX veka (idei, ludi, sreda)* [Russian liberalism: from the 1840s to the 1880s (ideas, people, social environment)], PhD dissertation, Moscow, Russia, 405 p.
- Shelokhaev, V.V. (2007), “Discussion problems of the history of Russian liberalism in the newest national literature”, *Voprosy istorii*, № 5, pp. 3–17.
- Shneider, K.I. (2012), *Mezhdru svobodoy i samoderzhaviem: istoriya rannego russkogo liberalisma* [Between freedom and autocracy: the history of early Russian liberalism], Izdatel'stvo Permskogo universiteta, Perm, Russia, 230 p.
- Shukin, V.G. (2001), *Russkoe zapadnichestvo: genesis – sushnost' – istoricheskaya rol'* [Russian Westernism: genesis–essence–historical role], Ibidem, Lodz, Poland, 367 p.
- Sladkevich, N.G. (1962), *Ocherki istorii obshchestvennoy mysli Rossii kontsa 50-kh – nachala 60-kh godov XIX v.* [Essays on the history of social thought in Russia in the late 1850s – early 1860s], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, Russia, 285 p.
- Timofeev, D.V. (2006), *Evropeyskie idei v Rossii: vospriyatie liberalisma pravitel'stvennoy elitoy v pervoy chetverti XIX veka* [European ideas in Russia: the perception of liberalism by the government elite in the first quarter of the 19th century], PIRS, Chelyabinsk, Russia, 200 p.
- Walicki, A. (1987), *Legal Philosophies of Russian Liberalism*, Clarendon Press, Oxford, UK, 477 p.
- Zor'kin, V.D. (1975), *Iz istorii burzhyazno-liberal'noi politicheskoi musli Rossii vtoroi polovinu XIX – nachala XX v. (B.N. Chicherin)* [From the history of bourgeois liberal political thought of Russia in the second half of the 19th – early 20th century (B.N. Chicherin)], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, 171 p.